

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫП. XII

ИНДИЯ — СТРАНА И НАРОД
Книга 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1972

И. М. Оранский

К ЭТНОГРАФИИ ИНДОЯЗЫЧНОЙ ГРУППЫ ПАРЬЯ

(Гиссарская долина)

В предварительных сообщениях об обнаруженном в Средней Азии индийском диалекте группы парья и в публикации фольклорных текстов на этом диалекте [19, 144 и сл.; 13] уже приводились некоторые сведения общего характера об этой небольшой этнографической группе. В настоящее время представляется возможным пополнить эти сведения новыми материалами, собранными во время поездки (1964 г.) в районы расселения этой группы.

В пределах Средней Азии сёмьи группы парья встречаются на всем протяжении Гиссарской долины, а также в районах по верхнему течению Сурхан-Дарьи — от пригородов Душанбе на северо-востоке и до района Сары-Асия — Денау (Узбекская ССР) на юго-западе. Большая часть парья сосредоточена в пределах нынешнего Гиссарского района (включая бывший Шахринауский) Таджикской ССР. Далее к юго-западу количество парья постепенно уменьшается и за пределами района Сары-Асия — Денау они встречаются, по-видимому, лишь отдельными семьями. Парья живут небольшими группами (обычно от 3—4 до 15—20 семейств, связанных друг с другом более или менее близким родством и свойством), разбросанными по всей этой обширной территории и малозаметными среди окружающего таджикского и узбекского населения. Районов с компактным населением парья на указанной территории не имеется. В таджикских и узбекских кишлаках сёмьи парья селятся, как правило, рядом, образуя иногда более или менее обособленные кварталы, как, например, кишлачок Афгоно, примыкающий к селению Лангари Боло (кишлачный совет Ханака Гиссарского района), и др. По моим подсчетам и по расспросным сведениям, в пределах указанной территории имеется до 200—250 хозяйств парья, и, таким образом, численность этой группы в Средней Азии составляет примерно 1000 человек. В настоящее время большинство представителей этой группы вместе с основным населением указанных районов работает в хлопководческих колхозах. Насколько я могу судить, по своим обычаям, одежде, пище, типу жилища, бытовому укладу, религиозным верованиям (мусульмане суннитского толка) парья не отличаются сколько-нибудь заметно от окружающего населения. Дети обучаются в таджикских и узбекских школах.

Группа парья полностью двуязычна (родной индоарийский диалект и таджикский язык в одной из диалектных его разновидностей). В семье, в домашнем обиходе, в кругу соплеменников основным средством общения служит родной диалект. Несмотря на малочисленность

группы парья, полное ее двуязычие и таджикско-узбекское окружение, в семье этот диалект очень устойчив. Прожив некоторое время в различных семьях этой группы, могу утверждать, что самые младшие, едва начавшие говорить дети объясняются исключительно на родном диалекте и лишь впоследствии овладевают таджикским или узбекским языком (иногда и тем и другим одновременно). Даже в смешанных семьях (муж — парья, жена — таджичка) дети благодаря тесному общению с родственниками отца владеют, как правило, диалектом группы парья. Встречаются семьи, в которых таджички (в одном случае узбечка), оказавшись замужем за представителями этой группы, начинают спустя некоторое время разговаривать на диалекте парья.

За пределами семьи и тесного круга соплеменников языком повседневного обихода служит таджикский, которым свободно владеют все члены группы парья, включая женщин. Многие мужчины (особенно в районах и колхозах с преобладающим узбекским населением) говорят также по-узбекски. Учащаяся молодежь объясняется более или менее свободно и по-русски.

Письменности на родном диалекте, разумеется, не существует, и представления парья о своем прошлом не простираются далее памяти об одном-двух поколениях, предшествующих старшему из ныне живущих. Согласно этим представлениям, основным занятием группы парья в прошлом было земледелие (*kištukór*), в частности табаководство (*tamokukori*) и огородничество. Из зерновых культур сеяли пшеницу (*gan-dúm*), рис (*šáli*), на бахчах и огородах выращивали лук (*piyóz*), баклажаны (*bengá*). Скот держали, однако скотоводство не являлось для них, видимо, ведущей отраслью хозяйства. Ремесленным производством парья никогда не занимались.

В Среднюю Азию парья переселились из Афганистана. О времени их переселения трудно сказать что-либо определенное. По-видимому, отдельные подразделения, а может быть, и отдельные семьи этой группы приходили сюда неодновременно. В отношении некоторых семейств можно с уверенностью утверждать, что уже деды нынешнего среднего и даже старшего поколения жили на территории Средней Азии; другие семьи пришли, вероятно, позже. Нередко семьи меняли свое местожительство, переезжая с места на место как в пределах Средней Азии, так и в Афганистане.

Своей родиной парья считают местность Лагман (*Laḡmon*)¹, расположенную между Кабулом и Джелалабадом². По словам стариков парья, в Лагмане живут многие семьи их соплеменников, в частности семьи подразделения калу³; там же, в Лагмане, отчасти также в районах Кабула, Ханабада, Таликана обитают или обитали и другие подразделения этой группы.

¹ По административному делению Афганистана на конец 1952 г. долина Лагман входила в Лагманский округ, составляющий западную часть Восточной (Джелалабадской) провинции. Центром этого округа является селение Тиргери (у различных авторов и по различным картам также Тигри, Тигир, Тагир и т. д.), расположенное при слиянии рек Алингар и Алишенг. См. карту административного деления Афганистана, помещенную в ежегоднике «Кабул» за 1952/1953 г. и воспроизведенную М. Г. Пичулиным [20 (вклейка между стр. 66 и 68)], [20, 65, табл. 2] и [21, стр. 110]. Обычно под Лагманом понимают область, расположенную в среднем и нижнем течении Алишанга и Алингара, однако и в источниках и в записках различных путешественников под этим термином понимается нередко и часть долины Кабула, начиная от «устья Лагманской долины» и до самого Джелалабада, включая его округ, а также соседние долины. См. также: [10, 70, 103—105].

² Впрочем, отдельные представители этой группы утверждали, что их отцы были выходцами из районов Балха и Таликана.

³ О подразделениях группы парья см. ниже, стр. 228.

Представители старшего, отчасти также среднего поколения, знают (в основном понаслышке) и о других городах и населенных пунктах Афганистана (Джелалабад, Таликан, Ханабад, Балх, Мазари-Шариф, Андхой, Гульбахар, Булягайн) ⁴, о реках Кабул, Гурбанд, Хажданахар ⁵, Гильменд ⁶, об афганских (паштунских) племенах гильзай (haljai), сафи, дуррани (durranai).

Еще более смутными и отдаленными являются индийские реминисценции: сохранились в памяти названия Пешавер, Мультан, в какой-то мере осознается (хотя и далеко не всеми), что их предки были как-то связаны с Индией и что с Индией связан их родной диалект.

Наиболее существенным фактом является здесь твердое представление парья о том, что их отцы и деды считали себя мюридами шейха Шамси Табризи (Хазрати Шамс) ⁷, имя и легендарные деяния которого связываются с территорией Индии. Там же находится, по словам моих дикторов, его могила. С Индией и с шейхом Шамси Табризи связывают нашу группу и другие выходцы из Афганистана, в частности представители группы кавол (шех-момади) ⁸. Восьмидесятилетний Бозор-бой, выходец из Рустака (Северный Афганистан), отмечал, что представители нашей группы иногда называли себя по имени своего пира — Табризи ⁹. Широко известна в этой среде легенда о том, как по просьбе Шамси Табризи солнце спустилось с неба, чтобы изжарить ему мяса. В таджикском тексте этой легенды, записанном в одном из селений группы кавол (шех-момади) ¹⁰, по отношению к группе парья дважды употреблен термин «хиндустанцы» (hindustoniyo). Не может быть никакого сомнения в том, что этот текст представляет один из вариантов легенды о шейхе Шамси Табризи, деятельность которого связывается в литературе с Мультаном ¹¹.

Приходилось слышать и о другом — уже не столь легендарном — пире, который жил где-то в окрестностях Регара, видимо еще на памяти нынешнего поколения, и которому парья приносили свою лепту ¹². Рассказывают легенду о том, как, будучи еще ребенком, этот пир просил отца взять его с собой на козлодрание (buzkaši), но отец не взял его. Тогда он оседлал дувал и поскакал на нем вслед за отцом.

⁴ В 1926 г. М. С. Андреевым был записан в сел. Булягайн и еще в нескольких селениях к востоку от Гульбахара диалект «особой филологической группы», образцы которого покойный ученый собирался впоследствии опубликовать: [2, 3 прим.]. Однако записи эти опубликованы не были, и, по сообщению вдовы покойного — А. К. Писарчик, обнаружить их в архиве М. С. Андреева не удалось. Вероятнее всего, М. С. Андреев встретился с распространенными в этом районе говорами пашаи. См. теперь: [40, 1, 6, 16 и др.].

⁵ haždanahar букв. «18 каналов». По словам моих дикторов, находится где-то в районе Балха.

⁶ Гильменд (Hilband) упоминается в одной из песен.

⁷ Šahi-xel uruγ-i Sams-i Tabrizi — «Шахи-хель — род Шамси Табризи» (полевые записи 1961 г., Гиссарский район). О термине «шахи-хель» см. ниже, стр. 228.

⁸ По словам шех-момади, šaix-i Tabriz rig-i čangaro — «Шейх Табризи — пир чангаров (парья)» (полевые записи 1961 г., Гиссарский район). Пир (тадж.) — духовный глава, духовный наставник. О термине «чангар» см. ниже, стр. 231. О группе кавол (шех-момади) см.: [17, 62 и сл. 16, 127 и сл.].

⁹ Полевые записи 1961 г., Гиссарский район.

¹⁰ Текст и перевод этой легенды см. [15].

¹¹ См. [42, 1, 546]. Там же дальнейшие указания на литературу.

Как сообщает В. А. Иванов, хранители гробницы Шамси Табризи в Мультане отождествляют его с духовным наставником Джалал-ад-Дина Руми. См. [36, 29 и сл.]. Там же (вкл. к стр. 49) фотография самой гробницы. Как явствует из списка работ В. А. Иванова, им посвящена этому мультанскому шейху специальная статья (автору осталась недоступной).

¹² Остается неясным, являлся ли регарский пир муршидом (духовным руководителем, наставником) только для парья или же и для других групп населения.

Как уже отмечалось, верующие парья исповедуют мусульманство суннитского толка. Большой известностью пользуется среди них г. Мазари-Шариф (Северный Афганистан), где находится гробница святого (avliyo), являвшаяся в прошлом местом их паломничества¹³. Гробницу эту часто называют тазог-и сахй, т. е. «щедрая, благодетельная, целительная гробница», так как поклонение ей способствует, по словам стариков парья, исцелению от различных болезней. Целебными свойствами обладает, по мнению верующих, также находящаяся около могилы земля, которую паломники, возвращаясь домой, брали с собой для своих близких. Мазари-Шариф часто упоминается также в фольклоре¹⁴.

Сказочный фольклор и анекдоты на диалекте парья представляют в основном сюжеты, известные по сказочному репертуару других народов Средней Азии¹⁵, и извлечь из этого фольклора какие-либо существенные сведения о прошлом группы парья пока не удается. Отметим лишь, что в сказках упоминаются Индия (Hundustán) и индусы (hindú), отражаются какие-то воспоминания об обычаях индусов и об индомусульманских отношениях¹⁶. Привлекают к себе внимание сказка на сюжет «Царь Салтан» [13, текст № 1], а также сказка о «Падишахе Санавбаре и его неверной жене Гуль» [13, тексты, № III и XV], известная по письменным версиям на персидском, а также хиндустани и других индийских языках. Основное сюжетное ядро и основные действующие лица сказки «Патыхан и Карамай» [13, текст № XVIII] известны по соответствующей афганской сказке, переведенной на русский язык под названием «Фатех-хан Барецай»¹⁷. Эта сказка интересна, между прочим, своими вставными бейтами, исполняемыми рассказчиком под особую протяжную мелодию не на диалекте парья, а на афганском (пашто) языке. Сохранение этих бейтов указывает на то, что основной текст сказки является переложением с афганского (пашто) языка на язык парья — переложением, при котором стихотворные вставки¹⁸ сохранились на языке оригинала. Для других сказок, опубликованных в указанном сборнике фольклорных текстов (№ II, V, XIII), достаточно близких сюжетных вариантов обнаружить пока не удалось.

Стихов или песен на диалекте парья мне никогда не приходилось слышать, и по словам моих дикторов, песенного фольклора на родном диалекте у них вообще не существует. Как уже говорилось выше, даже вставные бейты, интерполируемые в сказку на языке парья, исполняются не на языке сказки, а на пашто. На пашто исполняются также лирические газели (γazal) и песни (git). Однако языка пашто представители группы парья не знают, и содержание этих заученных некогда наизусть бейтов и песен известно даже исполнителям лишь в самых об-

¹³ О Мазари-Шарифе как о религиозном центре Афганистана и месте паломничества сообщают многочисленные ученые и путешественники, писавшие об Афганистане. Из последних работ на русском языке см., например: [20, 231]. См. также новый путеводитель [10, 121—122]. Там же (в конце книги) фотография гробницы.

¹⁴ В одной из песен рассказывается о девушке, собирающейся на поклонение (ziyogat) в Мазари-Шариф с мольбой о том, чтобы ее выдали замуж за возлюбленного. Очень интересна песня о паломничестве в Мазари-Шариф и производящихся там обильных пожертвованиях скота на угощение народу (xudoу). Записать ее, к сожалению, не удалось.

¹⁵ См., например: [13, тексты № IV, VIII, IX, XIV, XVI и др.]. То же относится и к анекдотам из широко распространенного цикла об Афанди (№ X—XII).

¹⁶ Ср., например, описание пира в одной из сказок [13, № XVII].

¹⁷ См. [3, 93 и сл.], тот же перевод в [25, 88 и сл.].

¹⁸ Такие вставные бейты, в которых герои афганских сказок изливают друг другу свои чувства, называются по-афгански пāга букв. 'крик, возглас, вопль' (из араб.-перс. نعره). Диктор, от которого была записана наша сказка, называл их fajra (тадж. лит. faγuod 'крик, вопль').

щих чертах. Лирические газели и песни исполняются обычно под аккомпанемент двуструнного щипкового инструмента (dum(b)gá, тадж. лит. dumburá), на особые мелодии (mašx), не встречающиеся у местных жителей¹⁹.

Группа парья состоит из нескольких подразделений (qom, игу), из которых в пределах обследованной территории встречаются следующие: калу (kalú, kalð), джитан (jítan, jitiyán), джуни (juní), магара (magará), бисиян (bisyán, bisyón), мусалли (muslí, musallí). Называлось также подразделение шуя (šuyá), однако ни с кем из представителей этого подразделения встретиться не удалось, и, по словам моих информаторов, после 30-х годов нашего века семейств шуя на территории Средней Азии вообще не осталось. Ядро этой группы составляют первые четыре из названных подразделений, объединяемые термином «шахи-хель» (šaj-xel, šahi-xel): mo čog bob šahi-xel — kalu, juní, jita, magara — «Мы шахи-хель — в четырех коленах (ветвях): калу, джуни, джитан, магара»²⁰. Наиболее многочисленным из этих подразделений является подразделение калу, встречающееся по всей Гиссарской долине. Реже встречаются семьи подразделений джуни, джитан и магара.

Несколько особняком стоит подразделение бисиян, представители которого селятся обычно вместе с группой кавол (шех-момади)²¹. Бисиян считают, что их предки пришли в Среднюю Азию из Лагмана и Таликана (Tolakón). Представители подразделения калу отмечали, что подразделение бисиян говорит на языке парья «не чисто». Действительно, оба представителя подразделения бисиян, с которыми приходилось работать, производили впечатление людей, не твердо владеющих этим диалектом. Остается, однако, неясным, является ли это обстоятельство результатом постепенной утраты диалекта парья подразделением бисиян или же результатом того, что этот диалект не является для них родным и усвоен от других подразделений.

Одного из двух лиц, относимых другими парья к мусалли, приходилось встречать в пос. Ханака Гиссарского района²², однако оба они являются метисами (duragá)²³ и о своем подразделении не могли сказать ничего вразумительного. Представления самих парья об этом подразделении, как и о подразделении шуя, сбивчивы и противоречивы. Некоторые информаторы утверждали, например, что мусалли и шуя вообще не входят в группу парья и что представители этих подразделений научились якобы языку парья от подразделений, входящих в группу шахи-хель²⁴. Приходилось слышать также о том, что группа шуя — выходцы из Мультана и что они говорили на особом наречии, отличном от диалекта парья²⁵.

¹⁹ Сотрудники Института языка и литературы АН Таджикской ССР, хорошо знакомые с таджикским и узбекским музыкальным фольклором, прослушав магнитофонные записи этих песен, утверждали, что подобных мелодий они никогда не слышали.

²⁰ Полевые записи 1961 и 1964 гг. (Гиссарский и Регарский районы Таджикской ССР).

²¹ Так, например, в пос. Новабад (местное название Кара-Боло) Ленинского р-на семьи подразделения бисиян живут в самом тесном соседстве с группой кавол. Имеются указания на то, что представители подразделения бисиян (или, во всяком случае, некоторые из них) владеют секретным языком (арго) группы кавол (полевые записи 1961 г., Гиссарский и б. Шахринауский районы Таджикской ССР).

²² Отдельные семьи этого подразделения имеются также в Регарском районе Таджикской ССР и Денауском районе Узбекской ССР (расспросные сведения).

²³ Один из них, по имени Нур-Али, утверждал, что отец его происходит из Хан-абада (Северный Афганистан), мать — из Кангурта (б. Кулябская область Таджикской ССР). После смерти отца его мать вышла вторым браком за представителя группы парья, в семье которого Нур-Али и научился еще ребенком языку.

²⁴ Полевые записи 1961 г. (Гиссарский район).

²⁵ В качестве примера указывалось, что шуя говорили asi 'иди сюда', jasi 'иди

Различия между отдельными подразделениями группы парья в настоящее время постепенно стираются, однако еще сравнительно недавно вопрос о принадлежности к тому или иному подразделению играл, по-видимому, немалую роль. Еще и сегодня сохраняются представления — впрочем, довольно сбивчивые — о более высоком происхождении одних подразделений и более низком — других. Так, например, при браке юноши из подразделений калу или джуни предпочтительным считается выбор невесты из этих же подразделений и, напротив, брак с девушками из подразделений магара или мусалли считается для калу или джуни как бы неравным. Тем не менее смешанные браки внутри различных подразделений группы парья — явление нередкое. Хотя некоторые информаторы и утверждали, что калу женятся только на девушках из подразделений калу или джуни, мне достоверно известны случаи женитьбы калу на девушках из подразделения мусалли. Известны также случаи, когда девушки из подразделения калу выдавались замуж в подразделение джуни, а из подразделения джуни — в подразделение калу. Подразделение бисиян в брачные отношения с калу (и, по-видимому, вообще с группой шахи-хель), как кажется, не вступает.

Что касается браков с представителями других народов и этнографических групп, то парья часто женятся на таджичках, в единичных случаях также на узбечках и девушках других национальностей, однако дочерей выдают замуж, как правило, только за представителей своей группы²⁶, что мотивируют «благородством» своего происхождения (us-tuxân-i mâ safed bukv. «кость наша чистая, белая»)²⁷. С так называемыми среднеазиатскими цыганами (jugi) и среднеазиатскими евреями (juhúd, jovút) парья в брачные отношения никогда не вступают.

Дети от смешанных браков называются таджикским термином *du-ragá*. В случае смерти старшего брата младший может жениться на его вдове, но в случае смерти младшего брата старший на вдове младшего жениться не может²⁸.

В качестве самоназвания представители изучаемой группы употребляют термин «парья»²⁹. Производным от него обозначается также родной для этой группы индоарийский диалект: *beṭa, tu urusí gal pa-kaṅ, tu paṅyasazí gal kaṅ* — «Сынок, ты по-русски не говори, говори на языке парья».

туда, уходи' (в диалекте парья соотв. аја, Ја). В диалекте кабули (и почти повсеместно в Афганистане) слово «шуя» (šuyá) обозначает шиит (араб.-перс. شیعه). См., например: [29, 15]. Не связано ли с этим словом и название указанного подразделения? Ср. указание на то, что потомки шейха Шамси Табризи в Мультане были мусульманами шиитского толка [42, I, 546].

²⁶ Исключение в этом отношении составляет как будто только группа «кавол» (шех-момади) — выходцы из Афганистана. Известно также несколько случаев, когда члены нашей группы выдавали своих дочерей за паштунов (kandahorí).

²⁷ Обычай выдавать дочерей замуж только за представителей своей группы известен и среди некоторых других групп населения Средней Азии (ходжи, сенды) и Афганистана, относящих себя по тем или иным причинам к «высшему сословию». См., например: [2, 13]. По любезному сообщению Н. А. Кислякова, такая тенденция вообще характерна для небольших этнографических групп Средней Азии.

²⁸ Ср. аналогичные представления у таджиков, во всяком случае в некоторых районах Средней Азии [27, 173].

²⁹ О термине «парья» как о названии низших каст Индии см. [34, 678].

Одним из наиболее характерных признаков диалекта парья (объединяющим его с диалектами Панджаба) является соответствие начального *r*- начальному *bh*- в хиндустани. В связи с этим фонетическим перебоем привлекают внимание названия земельных кланов *Bhár, Bhárah* в Мультане, *Bhaṅuáṅ* в Амритсаре, название группы *Bhaṅáí*, разбросанной по Панджабу и Северо-Западной Пограничной Провинции, исповедующей мусульманство и включающей в себя представителей различных этнических групп и каст [42, II, 84—86, 90].

В качестве самоназваний могут употребляться также термин «шахи-хель» (толкуемый иногда как однозначный термину «парья») ³⁰, названия перечисленных выше подразделений и нисба лагмани (laḡmani).

Юноша из группы парья

Местное население всех этих терминов не знает и обычно называет представителей группы парья недифференцированным термином «афгоно» — «афганцы» ³¹, иногда также aḡḡonó-yi siyogúŷ (siyopúst) — «темнолицые (темнокожие) афганцы» ³², aḡḡonó-yi nosfuruš (nospriguš) — «афганцы — продавцы наса» ³³. Парья и сами употребляют по отношению к себе термин «афгоно» в смысле «выходец из Афганистана», но, разумеется, отчетливо отделяют себя от паштоязычных афганцев (pašān, pašān, aḡḡonó-yi tozá, kandaḡori) и также отчетливо осознают различие между языком пашто (paḡtó, paḡto, paḡani) ³⁴ и своим индоарийским диалектом ³⁵.

³⁰ Полевые записи 1961 г. (Гиссарский район).

³¹ Как уже приходилось отмечать (II, 243 и сл.), термин «афгон» (aḡḡon, мн. ч. aḡḡono) употребляется местным населением по отношению ко всем выходцам из Афганистана и ни в какой мере не может характеризовать этническую или языковую принадлежность тех или иных групп, обозначаемых этим термином. Такое недифференцированное употребление термина «афганец» перешло, к сожалению, и в литературу и в статистические материалы.

³² Местное население считает отличительным признаком описываемой группы темный цвет кожи.

³³ Нас (гадж. nos) — местная разновидность жевательного табака. Изготавливается из мелко истолченного табака, смешиваемого с золой, известью и пропитываемого растительным маслом. Изготовлением и продажей наса действительно занимаются многие парья, и местное население склонно рассматривать это занятие как специфическое их ремесло.

³⁴ Произношение paḡto, paḡto может свидетельствовать о том, что этот термин воспринят группой парья в области распространения восточноафганских диалектов, т. е. на территории б. Северо-Западной Пограничной Провинции Индии или в смежных районах Восточного Афганистана (Джелалабадская провинция и сопредельные области вплоть до Кабула). Для Западного и Южного Афганистана характерно произношение pašto. О знакомстве группы парья с восточноафганскими племенами может свидетельствовать и термин pašān, употребляемый обычно для обозначения афганцев б. Северо-Западной Пограничной Провинции Индии и смежных с ней районов.

³⁵ Последний по указанной выше причине также называется иногда «афганским» (láfz-i aḡḡoni, zabón-i aḡḡoni).

Из других терминов, применяемых по отношению к группе парья, наиболее интересным представляется термин «чангар», повсеместно употребляемый шех-момади³⁶, представителями групп согутарош³⁷, джуги³⁸, а также отдельными выходцами из Афганистана³⁹ и Пешавера⁴⁰. Сами парья осознают слово «чангар» как термин, употребляемый шех-момади для обозначения группы парья, и склонны считать, что термины «чангар» и «парья» равнозначны⁴¹. По словам одного из дикторов (Гиссарский район), «мы сами называем себя парья (paḡá), шех-момади называют нас чангар (čangar), а наш язык чангарí (čangarí)».

Термин «чангар» может указывать на связь изучаемой группы с панджабским племенем (или кастой), зафиксированной под этим названием в литературе. По сведениям Г. В. Лейтнера [38]⁴², одно из основных поселений чангаров находится в Лахоре, где они живут в хижинах компактной группой. Перечисляются также следующие районы, указанные самими чангарами как места их расселения: Лудхиана, Амритсар, Фирозпур, Джаландар, Пешавер и «перегон за Пешавером» («a stage beyond Pesháwar»). В Дели и Равальпинди чангары, по их словам, не встречаются, а о Синде они никогда не слыхали. Чангары Лахора утверждали, что они пришли сюда из Дарапа (Darap, район Сиалкота⁴³) и что их предки — выходцы из Кашмира и патанских гор. Термин «чангар» применяется по отношению к этой группе иноплеменниками и означает, по мнению Лейтнера, «провеивающий (зерно)» (от хинд. śhāpnā — «просеивать»), ибо члены этой группы занимаются провеиванием пшеницы⁴⁴. Существенно отметить, что среди 11 подразделений («castes», «sub-divisions») группы чангар, зафиксированных Лейтнером, пять совпадают по названиям с подразделениями группы парья: Kále, Māghare, Jiteyán, Basián Jenu (в группе парья соответственно kalú, maḡará, jitiyáñ, bisyáñ, jūñi). Г. В. Лейтнер подчеркивает, что описанные им чангары не занимаются кузнечным ремеслом, гаданием, воровством, не являются профессиональными музыкантами и что нет никаких оснований связывать их с бродячими племенами Индии⁴⁵.

³⁶ Полевые записи 1957 г. (Куляб), 1961 и 1964 гг. (Гиссарский р-н).

³⁷ Полевые записи 1959 г. (пос. Ханака Гиссарского района). О группе согутарош см.: [16, 128].

³⁸ Полевые записи 1959 г. (Гиссарский и б. Кокташский районы Таджикской ССР). О гиссарских джуги см.: [18, 62 и сл.].

³⁹ Полевые записи 1958 г. (пос. Ханака Гиссарского р-на) и 1961 г. (кишлак Туда Гиссарского р-на).

⁴⁰ Полевые записи 1959 г. (Горная Ханака, Гиссарский р-н).

⁴¹ Полевые записи 1956, 1961, 1964 гг. (Гиссарский район), 1958 г. (Регарский район).

⁴² Другая работа этого же автора [37] остается для меня недоступной.

⁴³ Группа батраков или лоденщиков (labourers) под названием «чангар» (Čanggar) (6000 человек) действительно засвидетельствована среди других низших (menial) каст в районе Сиалкота [35, 326—330].

⁴⁴ О чангарах, отличающихся темным цветом кожи и занимающихся в Лагмане провеиванием зерна, говорил В. В. Кушеву во время его пребывания в Афганистане также один афганец из Тигри (любезно сообщено В. В. Кушевым).

⁴⁵ Не исключено, однако, что в Индии имелись (имеются, возможно, и по сей день) другие, в том числе и бродячие, племена, по отношению к которым иноплеменниками также употреблялся термин «чангар». Так, например, упоминаемые Трумпфом (E. Trumpp) чангары, бродящие вдоль рек Пенджаба, занимающиеся рыболовством и говорящие на синдхи, не имеют, по-видимому, ничего общего с чангарами, описанными Лейтнером, и не признаются последними соплеменниками. Н. А. Дворянков, собравший по моей просьбе во время своего пребывания в Афганистане сведения об употреблении некоторых этнических терминов, сообщает (письмо из Кабула от 28.I.1963), что в районе Джелалабада и Лагмана встречается этнографическая группа, называемая паштунами čangar или čangarí (мн. ч. čangarīyan) и отличающаяся смуглым цветом кожи и бродячим образом жизни. Свой язык паштуны называют inkó или hindukó (т. е. тем же термином, которым в Афганистане обозначается язык джатов, гуджаров, иногда также хиндустани).

Другим фактом, свидетельствующим о связи изучаемой группы с чангарами Панджаба, является упоминавшееся уже (см. выше, стр. 226) представление парья о том, что их предки были мюридами шейха Шамси Табризи. С другой стороны, имеются указания на то, что чангары Панджаба были, по их словам, обращены в мусульманство Шамсом Табризи из Мультана. «Словарь племен и каст Панджаба и Северо-Западной Пограничной Провинции» сообщает: «Changgaṛ, fem. -ī, -iāni, -nī (Chhaṅgaṛ in Multāni) — парии («outcasts»), вероятно, местного происхождения. Многочисленны в Гуджарате (Gujarāt), Амритсаре, Лахоре, Фирозпуре и Фаридкоте, но особенно в Сиялоте. Они говорят, что их предки пришли из гор Джамму (Jammu hills). Первоначально были бродячим племенем, которое блуждает в поисках работы, но в окрестностях больших городов они оседают колониями. Они исполняют любую работу, однако обычно используются в сельском хозяйстве, особенно как жнецы. Женщины нанимаются обычно для очистки зерна... Все они мусульмане... и, по их словам, были обращены Шамсом Табризи из Мультана... Они чрезвычайно трудолюбивы и совершенно непричастны к преступлениям. Имеют собственный диалект...» [42, II, 153]. К сожалению, в нашем распоряжении не имеется, по существу, никаких сведений о диалекте панджабских чангаров, которые позволили бы сопоставить его с диалектом среднеазиатских парья⁴⁶. Тем не менее приведенные выше соображения дают, по-видимому, известные основания для предположения о том, что обнаруженная в Средней Азии группа парья является одним из ответвлений группы чангар, зафиксированной индийскими переписями конца прошлого и начала нынешнего века в различных районах Северо-Западной Индии.

Некоторые из терминов, обозначающих отдельные подразделения группы парья, нередко встречаются в перечнях наименований племен и каст Индии. Так, например, земледельческий «джатский клан» (a Jāt clan) Kallú отмечен переписями конца прошлого века в Амритсаре, Монтгомери и Шахпуре. Такой же клан под названием Kalo отмечен в Амритсаре и Мультане, под названием Kals — в Шахпуре и Монтгомери. При этом указывается, что кланы Kallú и Kals в Монтгомери были мусульманскими [42, II, 441]⁴⁷. Один из лучших в прошлом веке знатоков этнографии Афганистана, Белью, неоднократно упоминает родовые группы (sections) под названием Kalu в составе различных племен и племенных объединений Афганистана [31, 16—17, 24—25, 45, 79, 92, 114—116, 117—119 и др.]⁴⁸. Генетически термин kalu восходит, по-видимому, к др.-инд. kāla- 'черный'⁴⁹.

В связи с названиями подразделений группы парья джунни, магара, джитан упомянем, что земледельческий «джатский мусульманский клан» Junhī отмечен в Монтгомери [42, II, 416] и такие же кланы Mahāgā, Mahāga и Jhoṭan — в Мультане [42, II, 46; II, 387, 416]⁵⁰.

⁴⁶ Лексические материалы и фразы на диалекте чангари (Changari, Tshangari), приведенные в указанной работе Лейтнера, представляются собранием слов и фраз на одном из искусственных языков (арго) Индии и не могут служить этой цели. См. [13, 182 и сл.].

⁴⁷ Там же упоминается еще несколько племен и кланов (Kālgū в Мультане и др.), названия которых включают в себя элемент kal² и могут быть вариантами того же этнического термина.

⁴⁸ Вопрос о том, имеют ли эти группы какое-либо прямое отношение к подразделению калу в Гиссарской долине, остается пока открытым.

⁴⁹ Ср. kalo 'черный, темный' в диалекте парья. Ср. также в диалектах европейских цыган, где слово kalo имеет два значения: 1) черный, 2) цыган. См. [44].

⁵⁰ По распросным сведениям В. В. Кушева, собранным им по моей просьбе в Афганистане, джитан — это племя в Индии, имеющее якобы особую одежду и особый язык; представители этого племени нанимаются обычно в качестве черноработчих (грузчиков на железной дороге и т. п.).

Употребление терминов «шахи-хель» и «мусалли» достаточно сбивчиво и неопределенно: в различных районах и различными группами населения эти термины употреблялись, по-видимому, по отношению к различным этническим группам. «Словарь племен и каст Панджаба и Северо-Западной Пограничной Провинции» сообщает: «Мусалли — мусульманин-чухра (the Muhammadan Chuhra) Западного Панджаба. Этот термин употребляется обычно к западу от Лахора как синоним к кутани, однако термин мусалли употребляется главным образом на северо-западе, а кутани — на юго-западе. Поскольку, однако, новообращенный чухра продолжает есть падаль и вывозить нечистоты, его называют чухра, и только когда он оставляет эти привычки, его начинают называть мусалли. В пограничных городах мусалли вывозит нечистоты, а на Пешаверской границе служит часто могильщиком или уборщиком и называется также шахи-хель (Shahikhel)» [42, III, 138]. И в другом месте: «Sháhikhel — уборщик („a sweeper“) или могильщик (называемый также musalli) в Пешавере. В Shah Nazára и вдоль берегов Инда — это цыган („a Gypsy“), который живет изготовлением циновок и корзинок из камыша и других плетеных изделий (wicker-work)» [42, III, 399]⁵¹.

Большинство парья склонны отделять мусалли от своей группы и во всяком случае от подгруппы шахи-хель (см. выше). По их представлениям, как и по представлениям кавол (шех-момади) и других выходцев из Афганистана, мусалли считаются в Афганистане родом низкого происхождения (ugur-aš past), стоящим ниже чангаров (= парья). Другой информатор (потомок выходцев из Пешавера), напротив, настаивал на том, что «мусалли» — это общий термин, покрывающий все подразделения группы парья и равнозначный терминам «чашгарак» и «чангар»⁵².

По его мнению, мусалли — это не кто иные, как «индийские джуги», которых в Индии называют «чури» (čurí)⁵³ и которые выполняют там самую грязную работу по очистке улиц и вывозу нечистот. С принятием ислама значительная часть мусалли получила возможность изменить род занятий, наследственный для индийской неприкасаемой касты чухра, и перейти, в частности, к земледелию (обычно в качестве наемных работников).

О социальном положении и роде занятий этой группы в области распространения афганских племен можно судить по следующим стихам известного афганского поэта и племенного вождя Хушхал-хана Хаттака (XVII в.):

mā Xušhāl vāj, mā Χαṭák vāj, mā Xāni vāj,
 čač pə lās vāj, masallí vāj, xo dzvāni vāj —
 «Пусть бы не был я Хушхалем, пусть бы не был я Хаттаком,

⁵¹ Следует, разумеется, иметь при этом в виду всю условность и неопределенность термина Gypsy, применяемого западными авторами для обозначения самых различных кочевых и бродячих племен Индии и сопредельных стран; см., например: [39, I и сл.].

⁵² Полевые записи 1958 г. (Горная Ханака). По расспросным сведениям, собранным в Афганистане Н. А. Дворянковым и В. В. Кушевым, термин «мусалли» отождествляется в Джелалабаде с термином «чангар», в других районах Афганистана — с термином «чачгарак», в долине Кунара их называют «шакель» (шахи-хель?); согласно информации, полученной Н. А. Дворянковым, эта группа говорит по-персидски (Джалалабад) или по-персидски и пашто и никакого особого языка не имеет.

⁵³ Ср. хинд. čuhṛā (چوہڑا) — каста метельщиков в Панджабе и Северо-Западной Индии [4, 837]. В диалекте кабули термин musali действительно засвидетельствован со значением «уборщик мусора, подметальщик, дворник». [9, 864].

пусть бы не был я ханом, пусть бы в руках у меня был чач⁵⁴, пусть бы был я мусалли, была бы только молодость»⁵⁵.

Упоминания о джатской касте мусалли, живущей в Западном Панджабе и говорящей на одном из южных диалектов группы лахнда, встречаются в литературе. По данным индийской переписи 1931 г., более 30% мусалли были заняты в сельском хозяйстве [7, 231].

Также сбивчиво и противоречиво употребление термина «чачгарак» (čačgarak, čašgarak), применяемого иногда по отношению к группе парья. В представлении коренного местного населения этот термин связывается с небольшими пришлыми этнографическими группами. Представители группы шех-момади применяют термин «чачгарак» по отношению к парья⁵⁶, в то время как последние применяют этот же термин по отношению к шех-момади, указывая при этом, что чачгарак — «слово обидное» (ta'na)⁵⁷. Сам термин «чачгарак» происходит, по-видимому, от слова «чач» — орудие для провеивания зерна (см. выше, прим.) — и обозначает в Афганистане наемных сельскохозяйственных рабочих⁵⁸ или, может быть, скорее изготовителей «чача»⁵⁹.

В арго гиссарских джуги по отношению к членам группы парья применяются термины kaltuk и lum. Первый из них восходит, вероятно, так же как и название подразделения kalo (см. выше), к др.-инд. kāla- 'черный, темный' (-tuk — характерный для арготической речи джуги деформирующий суффикс). Интереснее второй термин, восходящий к др.-инд. dōtba 'человек из низшей касты профессиональных певцов, из музыкантов' [43]⁶⁰.

Парья — не единственная индоязычная этнографическая группа, переселившаяся в Среднюю Азию через территорию Афганистана. Естественногеографические условия и историко-культурная общность между областями право- и левобережья Амударьи издревле способствовали интенсивному торговому и культурному обмену между этими областями, облегчали миграции тех или иных групп населения. В ходе таких миграций попадали через левобережье Амударьи в Среднюю Азию и различные небольшие этнографические группы, гонимые из соседних стран нуждой, притеснениями или какими-либо иными обстоятельствами. Одна из таких групп, известная под названием «балюджь» и говорившая на одном из индоарийских наречий, была отмечена в 70-е годы прошлого века в Фергане и Ташкенте русским естествоиспытателем А. И. Вилькинсом [5, 436—461]. По сведениям А. И. Вилькинса, эмиграция небольших групп «балюджей»⁶¹ из бассейна Инда и Белуджистана

⁵⁴ Ч а ч — плетенная из камыша цинковка, с помощью которой провеивают зерно (полевые записи 1961 г., Гиссарский р-н). Ср. в диалекте кабули čač (چچ) 'лоток для очистки зерна при обмолоте' [9, 262]; в шахристанском диалекте таджикского языка čoč — решето с круглыми отверстиями для провеивания зерна [22, 217].

⁵⁵ Любезно сообщено Н. А. Дворянковым (письмо из Кабула от 28.I.1963).

⁵⁶ Полевые записи 1961 г. (Гиссарский и Ленинский р-ны). Любопытно, что термин «чачгарак» был употреблен также представителем подразделения бисиян по отношению к подразделению калу, в то время как он сам и его соседи — шех-момади — считают, что подразделение бисиян к группе чачгарак не относится.

⁵⁷ Полевые записи 1956 и 1961 гг. (Гиссарский р-н).

⁵⁸ Полевые записи 1961 г. (Гиссарский р-н).

⁵⁹ По расспросным сведениям Н. А. Дворянкова, в Афганистане этот термин понимается именно так. При этом чачгарак называют также «мусалли». Ср. упоминание о «чаче» как об атрибуте мусалли в приведенных выше стихах Хушхалы.

⁶⁰ К этой же основе восходит готт 'муж, мужчина' в диалекте европейских цыган. С начальным l- это слово засвидетельствовано, как кажется, только в диалекте армянских цыган (боша) — lum.

⁶¹ По словам самих «балюджей», индийцы называли их «панираджд» [5, 440]. Нет ли здесь опечатки (панираджд вместо * пакираджд)? По сообщению одного из моих самаркандских корреспондентов, Х. Х. Назарова, природного самаркандского люли, ин-

в Среднюю Азию продолжалась еще в 70-е годы прошлого века и путь их неизбежно пролегал через территорию Афганистана.

А. И. Вилькинс приводит в указанной статье весьма интересные сведения по этнографии и антропологии этой группы, а также небольшой список слов под заглавием «Образцы слов Белуджи (племени Джат?)», которым и ограничиваются наши материалы по языку «балуджей». Априори можно было ожидать, что обе эти иноязычные группы Средней Азии и соответственно их языки окажутся близкородственными. Однако такое предположение не подтвердилось ни в этнографическом, ни в лингвистическом плане. В отличие от «балуджей» и большинства других небольших этнографических групп (шех-момади, чистони, джуги)⁶², переселявшихся в Среднюю Азию из Афганистана (или через территорию Афганистана), парья — исконные земледельцы.

Что касается языка, то при всей ограниченности материала по наречию «балуджей» сопоставление его с материалами по диалекту парья — второго по времени введения в научный обиход индийского диалекта из Средней Азии — позволило вскрыть довольно существенные лексические и историко-фонетические дифференции между двумя этими индоарийскими диалектами [12, 3—16].

Возможно, что выходцами из Индии были в конечном счете и некоторые другие небольшие этнографические группы, переселение которых из Афганистана в Гиссарскую долину и прилегающие районы отмечалось путешественниками и исследователями с последней трети XIX в. Одним из первых свидетельств подобного рода для Гиссарской долины следует, по-видимому, считать свидетельство Г. Бонвало, который во время своего путешествия по Средней Азии (80-е годы XIX в.) отметил наличие в Гиссаре небольшого (примерно 100 человек) поселения выходцев из Афганистана, которых местное население называло «кабули» или «мультиони». По словам Г. Бонвало, они пришли в эти места лет за двадцать пять до него (т. е. примерно в середине XIX в.) и в течение некоторого времени вели бродячий образ жизни, подобно цыганам, но потом осели в Гиссаре, прорыли ирригационный канал и занялись посевами риса и дынь. Гиссарские «кабули» возводили глинобитные постройки, но жили также и в шалашах из камыша. По внешности они напоминали афганцев, но местное население считало их цыганами (Gipsies) [32, 222—224].

Для несколько более позднего времени упоминания о наличии в Гиссарской долине и прилегающих районах небольших пришлых из Афганистана этнографических групп встречаются у С. Д. Масловского и М. С. Андреева. В своем докладе «Горные таджики (остатки первобытного населения Туркестана)» С. Д. Масловский на основе наблюдений, сделанных во время поездки по Восточной Бухаре, сообщил о кочующем племени «длинноголовых авганских люли» с негроидными признаками [24, 113]. В статье того же автора находим упоминание о «бродячем племени авганских цыган-люли», которых он наблюдал в Гиссарском бекстве и для которых характерны «кофейно-коричневая кожа, шапка курчавых жестких волос, низкий лоб, короткий, очень широкий нос, приплюснутый, с мясистыми ноздрями, толстые вывороченные гу-

тересующегося этнографией своей группы, в Самаркандской области, Бухаре и Шах-рисябзе и по сей день встречается до 150 семейств «индийских цыган» — покароч/покороч (письмо от 25.III.1965). Как сообщает Х. Х. Назаров, говор этой группы, занимавшейся в прошлом главным образом ювелирным ремеслом, заметно отличается от говора «местных цыган». Если предположение об опечатке подтвердится, то «панираджи» Вилькинса — прямые предки современных покароч (чередование *i/a* в предударном слове и *j/č* в исходе слова легкообъяснимо).

⁶² Об этих группах см.: [16, 127—129].

бы, оттопыренные уши», долихоцефалия [8, 31—32]. Во время этнографической экспедиции 1921 г. в Самаркандскую область М. С. Андрееву также приходилось слышать об «аугонах-люли», показывающих дрессированных обезьян и медведей и говорящих «между собою каким-то особым языком, непонятным для посторонних». Однако этой экспедиции «не удалось,— по словам М. С. Андреева,— встретить никого из этого племени и выяснить, говорят ли они наречием языка пушту (афганского языка) или одним из цыганских наречий» [1, 126]⁶³.

К сожалению, полное отсутствие данных о языке этих групп не позволяет сделать каких-либо заключений об отношении их к группе парья.

Также скудны и отрывочны сведения об индийских языках и индоязычных группах на территории Афганистана. Наиболее полно описаны паишай [40] и некоторые другие дардские языки [сводку см. 28], однако эти языки и диалекты относятся к совершенно иной ветви индоарийских языков, чем диалект парья. Уже в первых работах, посвященных изучаемой группе (1956 г.), был сделан вывод о принадлежности диалекта парья к наречиям центральной (по классификации Грирсона) группы индоарийских языков⁶⁴. Новые данные, полученные в ходе обработки текстов и составления словаря, позволяют углубить этот вывод и уточнить вопрос о специфических чертах изучаемого диалекта и о месте, занимаемом им в кругу родственных ему индоарийских языков и диалектов. Многочисленные, перекрещивающиеся в разных направлениях изоглоссы связывают диалект парья с различными наречиями центральной и северо-западной части Индийского субконтинента. Сближаясь по тем или иным своим признакам — фонетическим и грамматическим — с соответствующими признаками диалектов западного хинди, панджаби, лахнда, раджастанских, гуджарати и других близко им родственных языков⁶⁵, диалект парья не совпадает в то же время ни с одним из них по комплексу этих признаков. Это дает основание видеть в говоре парья особый, относительно самостоятельный диалект центральной группы индоарийских языков⁶⁶, обладающий некоторыми своеобразными чертами, не представленными в данном комплексе другими индоарийскими диалектами⁶⁷.

Какие из индоязычных групп и индийских диалектов, зафиксированных на территории Афганистана, могли бы быть хотя бы гипотетически сближены с изучаемой группой и ее диалектом? Паишай и другие дардские языки относятся, как уже говорилось, к совершенно иной группе индоарийских языков. На территории Афганистана нередко упо-

⁶³ Термины «афганские люли» («ауганы-люли»), «индийские люли» («индустани-люли») прилагались местным населением и к «балуджам» А. И. Вилькинса (см. выше), среди занятий которых также отмечалась дрессировка обезьян и медведей [5, 440 и сл.]. По распространенным сведениям Н. А. Дворянкова, вождением обезьян занимаются в районе Джелалабада и Лагмана чангары (письмо от 28.I.1963), однако, как там же отмечает Н. А. Дворянков, термин «чангар» может употребляться в этих местах расширительно для обозначения различных неафганских племен.

⁶⁴ При этом следует, разумеется, иметь в виду относительность классификации Грирсона, как, впрочем, и всех последующих [6, 20 и сл.].

⁶⁵ Об отсутствии четких лингвистических границ между диалектами этих языков см.: [6, 22—23, 52, 54, 59 и др.].

⁶⁶ Ср. слова Г. Моргенштерне (в письме к автору от 8.IV.1964): «It is really most surprising, and of great interest, to find a comparatively recent offshoot of Indo-Aryan languages in the Hissar valley, and it would be very valuable to investigate if any traces of related dialects could be found among the Jats of Afghanistan, and other groups of similar type».

⁶⁷ Попытка дать сводку специфических черт говора парья, характеризующих его сравнительно с ближайше родственными ему индоарийскими языками и диалектами, сделана недавно автором этих строк [14, 21 и сл.].

минаются выходцы из Индии, говорящие на панджаби, лахнда, синдхи, однако обычно речь идет в этих случаях (как и в литературе о дореволюционной Средней Азии) об индийцах — торговцах и ростовщиках, живущих в городских центрах. Население, говорящее (наряду с персидским) на «[Х]индустани», издавна отмечается при описаниях восточной части Желалабадской долины [см., например: 23, 628, прим. 49], язык лахнда в Кохдамане (к северо-западу от Кабула) отмечен Г. Моргенштерне [41, 5] и некоторыми другими авторами [30, 56]⁶⁸. Об индийцах Восточного Афганистана, известных под названием «хинджи» (Hindki), занимающихся земледелием и принадлежащих «по расе» к джатам (Djat), сообщает «Энциклопедия ислама» [33, 155]. В этой связи обращают на себя внимание слова Г. Моргенштерне: «Говорят, что дома и джаты также имеют собственные языки» («Also the Doms and Jatts are said to possess languages of their own») [41, 6, прим.]. Последняя обзорная работа по Афганистану отмечает панджабский язык в районах Газны, Гардеза, Кохдамана и Желалабата [26, 70].

Как уже говорилось выше, наиболее правдоподобным представляется предположение о связи группы парья в Гиссарской долине с чангарами Панджаба, описанными Лейтнером. Однако окончательное решение вопроса о том, с какой или какими индоязычными группами непосредственно связана группа парья и ее диалект, может быть достигнуто лишь по получении достоверных материалов по языкам и этнографии индоязычных групп Северо-Западной Индии и Афганистана.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев М. С., Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандской области в 1921 г., — «Известия Туркестанского отдела Русского географического общества», XVII, Ташкент, 1924.
2. Андреев М. С., По этнологии Афганистана, Долина Панджшир, Ташкент, 1927.
3. «Афганские сказки», пер. с афган.; М., 1955.
4. Бескровный В. М., Краснодембский В. Е., Урду-русский словарь, М., 1951.
5. Вилькинс А. И., Среднеазиатская богема, — «Антропологическая выставка 1879 г.», т. III, ч. I, вып. 4, М., 1882; «Известия имп. общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при имп. Московском университете», т. XXXV, ч. I, вып. 4.
6. Зограф Г. А., Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала, М., 1960.
7. Кудрявцев М. К., Мусульманские касты, — «Касты в Индии», М., 1965.
8. Масловский С. Д., Гальча (первобытное население Туркестана), — «Русский антропологический журнал», 1901, № 2.
9. Миллер Б. В., Персидско-русский словарь, М., 1950.
10. Мухаммед Али, Афганистан, Новый путеводитель, М., 1957.
11. «Народы Азии и Африки», 1962, № 4.
12. Оранский И. М., Два индоарийских диалекта из Средней Азии, — «Индийская и иранская филология», М., 1964.
13. Оранский И. М., Индийский диалект группы парья (Гиссарская долина), — «Материалы и исследования», вып. I, тексты (фольклор), М., 1963 (XXVI Международный конгресс востоковедов. Материалы делегации СССР).
14. Оранский И. М., Индоиранские диалекты Гиссарской долины (Индийский диалект парья, говоры и арготаджикоязычных этнографических групп). Материалы и исследования. Автореф. докт. дисс., Л., 1967.
15. Оранский И. М., Легенда о шейхе Шамси Табризи, — «Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран», М., 1967.
16. Оранский И. М., Научная командировка в долины Гиссара и Сурхан-Дарьи, — «Советская этнография», 1966, № 4.
17. Оранский И. М., Новые сведения о секретных языках Средней Азии [I]. Эт-

⁶⁸ При этом отмечается, что индоязычное население района Кохдамана является земледельческим (в отличие от городов Восточного Афганистана, где это главным образом торговцы, торговцы лечебными травами и банкиры).

- нографическая группа «кавол» в Кулябе и ее арго,— КСИНА, XL, Языкознание, М., 1961.
18. Оранский И. М., Новые сведения о секретных языках (арго) Средней Азии [II]. Материалы для изучения арго этнографической группы джуги (Гиссарская долина),— «Иранская филология. Труды научной конференции по иранской филологии (24—27 января 1962 г.)», ЛГУ, 1964.
  19. Оранский И. М., Предварительное сообщение об обнаруженном в Средней Азии индийском диалекте,— «Советское востоковедение», 1956, № 4.
  20. Пикулин М. Г., Афганистан, Ташкент, 1956.
  21. Поляк А. А., Физическая география Афганистана, М., 1953.
  22. Расторгуева В. С., Очерки по таджикской диалектологии, вып. 5, М., 1963.
  23. Риттер К., Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Кабулистан и Кафиристан. Перевел с присовокуплением критических примечаний и дополнил по источникам... В. В. Григорьев, СПб., 1867.
  24. «Русский антропологический журнал», 1900, № 4.
  25. «Сказки и стихи Афганистана», пер. с афган., М., 1958.
  26. «Современный Афганистан», Справочник, М., 1960.
  27. Сухарева О. А., Свадебные обряды таджиков г. Самарканда и некоторых других районов Средней Азии,— «Советская этнография», сб. статей, III, М.—Л., 1940.
  28. Эдельман Д., Дардские языки, М., 1965.
  29. Abd-ul-Ghafûr Farhâdi, Le persan parlé en Afganistan, Paris, 1955.
  30. «Afghanistan», ed. by Donald N. Wilber, 1956.
  31. Bellew H. W., An Inquiry into the Ethnography of Afghanistan, London, 1891.
  32. Bonvalot G., Through the Heart of Asia, vol. I, London, 1889.
  33. The Encyclopaedia of Islam...», vol. I, Leyden — London, 1913.
  34. Hobson-Jobson, A Glossary of Colloquial Anglo-Indian Words and Phrases, and of Kindred Terms... by col. Henry Yule and A. C. Burnell, London, 1903.
  35. The Imperial Gazetteer of India», vol. XXII, Oxford, 1908.
  36. Ivanow N., The Sect of Imam Shah in Gujrat,— «Journal of the Bombay Branch, Royal Asiatic Society», N. S., 1936, vol. 12.
  37. Leitner G. W., Appendix to Changars and linguistic fragments, Lahore, 1882.
  38. Leitner G. W., A Scetch of the Changars and of Their Dialect, Lahore, 1880.
  39. LSI, XI, Calcutta, 1922.
  40. Morgenstierne G., Indo-Iranian Frontier Languages, vol. III, The Pashai Language. 1. Grammar, Oslo, 1967; 2. Texts Oslo, 1944; 3. Vocabulary, Oslo, 1956.
  41. Morgenstierne G., Report of a Linguistic Mission to Afghanistan, Oslo, 1926.
  42. Rose H. A., Glossary of the Tribes and Castes of the Punjab and North-West Frontier Province Based on the Census Report for the Punjab, 1883, ...and the Census Report for the Punjab, 1982, Lahore, vol. I, 1919, vol. II, 1911, vol. III, 1914.
  43. Turner R. L., A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages, London, 1966.
  44. Wolf S. A., Grosses Wörterbuch der Zigeunersprache (romani tšiw), Mannheim, 1960.